
НАУЧНЫЕ
ОБСУЖДЕНИЯ

**ВЫНУЖДЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО
И КРИЗИСНОГО ПЕРИОДОВ**

© 2011 г. Н.А. Тарасова

(Москва)

Анализируется структура занятости с выделением “триады занятости” (естественной, вынужденной и теневой занятости) и структура вынужденной занятости на микроэкономическом уровне (предприятия, организации), ее определяющая роль в снижении безработицы в России в переходный и кризисные периоды. Рассматривается расширение сферы вынужденной занятости в настоящее время на следующий уровень – небольших моногородов.

Ключевые слова: структура занятости, вынужденная занятость, снижение безработицы, микроэкономика, кризис, моногорода.

В переходном периоде 1990-х годов при учете временных характеристик занятости – с точки зрения временных рамок решаемых с ее помощью задач, стоявших тогда перед экономикой страны, – в структуре фиксированной, т.е. официальной, занятости, можно было выделить два ее вида. Цель первого – решение “сиюминутных” и насущных основных задач нынешнего функционирования экономики и текущей перестройки ее структуры. Это привычная, давно известная (под разными названиями) естественная занятость, необходимая для текущего функционирования экономики. Оставшийся второй вид был предназначен в основном для решения особо важных в переходный период задач дальнейшего существования российской экономики, уже после ее экономической стабилизации и подъема, и дальнейшего развития как самостоятельного субъекта мировой экономики. Для этого нужно было прежде всего сберечь необходимую рабочую силу. Это обеспечивала вынужденно сохраняемая (короче – вынужденная) занятость (ВЗ). Она появилась в 1990-х годах на предприятиях и в организациях как характерное для переходного периода и ставшее достаточно заметным к 1993 г. качественно новое явление в среде официальных наемных работников (T_0), так что $VZ = VZ(T_0)$.

Явление вынужденной занятости как феномен переходного периода, сдерживающий рост безработицы (в разных ее формах) на предприятиях и в организациях, т.е. на микроуровне экономики, было отмечено нами впервые в 1993 г. (Тарасова, 1994), притом почти одновременно с академиком Д.С. Львовым, что послужило косвенным доказательством насущности анализа проблемы вынужденной занятости. Ряд положений этого анализа нашел отражение в совместном докладе на Международной конференции в Нидерландах по проблеме безработицы в регионах Европы (Lvov, Tarasova, 1994) и в других работах (Тарасова, Блюмина, 1996; Тарасова, Збарская, Блюмина, 1996). Хотя необходимость серьезного внимания к изучению специфики вынужденной занятости и ее составных частей выявилась, таким образом, еще в начале 1990-х годов, а немного позднее это явление нашло свое (пусть частичное) отражение в статистике, но теоретический интерес других исследователей к нему проявился вообще только в период нынешнего кризиса. Так, на эту тему активно выступает с 2009 г. заместитель директора Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ Р.И. Капелюшников (Капелюшников, 2009а; Чубарова, 2010).

Это новое образование привычно и упорно рассматривалось нередко в 1990-х годах – да и много лет спустя – в качестве “излишней занятости” или “скрытой безработицы” (Капелюшников, 2001; Полтерович, 2003¹), что предопределяло определенную психологическую дезориен-

---

¹ Так, в последней работе явная вынужденная занятость называется избыточной, что имеет отрицательный оттенок. Если и далее обратить внимание на терминологию, то на примере этого текста столь высококвалифицированного специалиста, как акад. В.М. Полтерович (то же, например, в (Капелюшников, 2009б)), можно отметить указанную А.А. Ткаченко (Ткаченко, 2000) особенность многих экономистов: к сфере рынка труда (т.е. процесса, механизма поиска работы) они относят и вопросы занятости (т.е. проблемы использования результатов этого процесса), тем самым нарушая их семантику.

тацию (точнее, психологический дискомфорт) и самих вынужденно занятых, и их руководства. Вынужденная занятость лишь формально была похожа на специфически “советскую” скрытую безработицу доперестроечного периода (она же – действительно излишняя занятость), являющаяся следствием фетишизации 100%-й занятости трудовых ресурсов страны. Понятия естественной и вынужденной занятости введены нами в 1993 г. по аналогии с понятиями естественной и вынужденной безработицы. При этом наличие основной части вынужденной занятости, как уже сказано, обусловлено задачами не настоящего, а будущего функционирования экономики страны в качестве самостоятельного экономического субъекта после экономической стабилизации и подъема экономики. “Вынуждаемым” объектом является здесь работодатель (в первую очередь – государство), сохраняющий этот вид занятости для предотвращения негативных экономических и социальных явлений.

Основной вид официальной занятости (A_0) составляет естественная (ЕЗ). Оставшаяся неофициальная (незарегистрированная) часть занятости – уже рассмотренная и оцененная нами в комплексной системе НДП (“Население, доходы, потребление”) теньевая первичная занятость A_1 (Тарасова, 2006; Tarasova et al., 2009). Незначительная в начале 1990-х годов ввиду ее еще малого объема, позднее, заметно увеличившись, она превратилась в весомую часть неформальной занятости (Нестандартная занятость, 2006) и стала третьей существенной составной частью общей занятости A . Таким образом, выявляется логически законченная, адекватно отвечающая реалиям развития российской экономики и потому интересная для исследования “триада занятости”: естественная, вынужденная и теньевая занятость (Тарасова, 2010). Эта триада (ЕЗ, ВЗ, A_1) определяет все множество занятых A (наемных работников T и прочих занятых Π), причем пересечения всех составляющих его множеств здесь являются пустыми, поскольку нами учитывается лишь первичная занятость (реально существующие пересечения видов занятости исключены хотя бы из-за отсутствия необходимых данных):

$$A = T \cup \Pi = EЗ \cup ВЗ \cup A_1 \quad (1)$$

при

$$ВЗ = ВЗ(T_0), (EЗ \cap ВЗ = \emptyset) \& (EЗ \cap A_1 = \emptyset) \& (A_1 \cap ВЗ = \emptyset) = 1, EЗ \cup ВЗ = A_0.$$

Официально зарегистрированные трудящиеся входят в состав *вынужденной занятости на предприятии (организации)* по одной из ряда таких причин, как:

– квалифицированный, но чаще всего низкооплачиваемый резерв для будущего расширения масштабов деятельности, например сохранение научных кадров при сокращении финансирования научных институтов и прекращении использования их разработок (*резервная занятость*);

– кадры, оставшиеся с прежних времен “по инерции” по социально-политическим, в том числе патерналистским, связанным с прежними установками соображениям, – подобно шахтерам (с традиционно высокой оплатой) с неработающих шахт, ставших “излишними” при структурной перестройке экономики (*инерционная занятость*);

– лица, числящиеся в составе предприятия (организации) только ради сохранения или приобретения ими определенного социального статуса с целью, например, получения ряда социальных льгот для них и (или) их семей (*статусная занятость*); начисленная им заработная плата может служить иногда средством неофициального повышения заработка других лиц с официальным статусом, фактически выполнявших работу, или даже получения этого заработка теньевыми трудящимися;

– лица, вошедшие в состав предприятия (организации) по определяемым конкретной ситуацией причинам социально-политического или личного характера (*ситуационная занятость*, являющаяся, как и статусная, разновидностью *социальной*).

Вынужденная занятость, таким образом, включает прежде всего резервную занятость (РЗ), которая представляет собой основной резерв естественной занятости и объединяет квалифицированные кадры типа “сил быстрого реагирования” (и, если необходимо, тех, кто технически обеспечивает их работу). Использование безработных и недавних выпускников вузов или ССУЗов в качестве такого резерва нереально, поскольку не созданы и вряд ли будут созданы условия для сохранения, достижения или быстрого восстановления первыми и получения вторыми (при значительном

Таблица 1. Структура “триады занятости” и скрытая безработица

Занятость: $A = A_0 \cup A_t = EЗ \cup ВЗ \cup A_t = T \cup П$						
Официальная (фиксируемая): $A_0 = T_0 \cup П_0$					Теневая (нефиксируемая): $A_t = T_t \cup П_t$	
Естественная (ЕЗ)		Вынужденная: $ВЗ = ВЗ(T_0) = T_{ВЗ}$			трудящихся (T_t)	предпринимателей ($П_t$)
трудящихся ($T_{ЕЗ}$)	предпринимателей ($П_{ЕЗ}$)	резервная (РЗ)	инерционная (ИЗ)	социальная (СЗ)		
				статусная ($C_{ТЗ}$)	ситуационная ($C_{ИЗ}$)	
			Скрытая безработица			

снижении среднего уровня профессионального образования) необходимого уровня квалификации. Поэтому мнение тех, кто считает, что значительная часть населения при создании условий роста реальных доходов и занятости способна быстро включиться в производственную деятельность и поднять производительность труда, в настоящий период представляется истинным только по отношению к резервной занятости. Фактически об этом же (о РЗ) говорится в (Полтерович, 2003): это “естественная приспособительная реакция на шоковые институциональные изменения при отсутствии инфраструктуры, обеспечивающей мобильность трудовых ресурсов и их переквалификацию” (курсив наш. – Н.Т.). Также можно встретить утверждения (по результатам опроса руководителей за 1995–1999 гг. (Капелюшников, 2001)), что такая занятость сберегается социально ответственным руководством, прежде всего чтобы “сохранить коллектив”. Эта позиция, на наш взгляд (в отличие от авторского), включает и “ожидание роста” в будущем – иначе такое “сохранение” бесцельно.

Объем и качественный состав резервной занятости зависят от потребностей структурной перестройки экономики в настоящем и прогнозируемых направлений ее будущего развития в посткризисный период, когда потребность в квалифицированных кадрах возрастет. Все это делает неправомерным и содержательно некорректным отнесение резервной занятости к скрытой безработице. Нельзя сказать то же самое об инерционной занятости (ИЗ) – о том сохраняемом “по инерции” с прежних времен контингенте работающих (скажем, уже упомянутые шахтеры на нерентабельных шахтах), который вряд ли нужен в качестве резерва при наличии безработных, но не высвобождается по социально-политическим и тому подобным причинам. Оставшийся третий вид вынужденной занятости – социальная занятость (СЗ), т.е. занятость по социальным, социально-экономическим или личным причинам неинерционного характера, которая включает статусную и ситуационную занятость (табл. 1). Дополняя (1) и считая по-прежнему пересечения любых множеств пустыми, получаем:

$$ВЗ = РЗ \cup ИЗ \cup СЗ \rightarrow A = EЗ \cup ВЗ \cup A_t = EЗ \cup (РЗ \cup ИЗ \cup СЗ) \cup A_t \text{ при } СЗ = C_{ТЗ} \cup C_{ИЗ}. \quad (2)$$

При таком подходе естественно полагать, что в состав истинной скрытой безработицы (излишней занятости) на предприятии (в организации) входят не все вынужденно занятые, а в основном инерционная занятость, что и показано в табл. 1. На сохранение вынужденной занятости повлияли и особенности нашей налоговой системы (они способствовали, например, сохранению излишков низкооплачиваемой рабочей силы для уравнивания повышенной оплаты ограниченного административного контингента), и высокие расходы на социальные мероприятия при массовом высвобождении занятых, и определяющая обратное финансовое давление на бюджет невозможность соответствующего роста фонда пособий по безработице при дороговизне создания новых рабочих мест, прежней дефицитности бюджета и отсутствии внебюджетных источников финансирования. Применялось и силовое давление властей на руководителей предприятий, и избирательная финансовая поддержка предприятий, определяющих ситуацию на рынке труда.

Практические последствия невнимания к проблемам ВЗ проявились, хотя и не сразу. Так, инерционная занятость не раз заявляла о себе стуком шахтерских касок, дошедшим до Москвы.

Более терпеливая, хотя хуже оплачиваемая резервная занятость в сфере науки (где ее доля была достаточно весома) также заявила о себе, например, когда впервые в 1998 г. ученые РАН из подмосковного г. Троицка перекрыли в знак протеста против своей фактической невостребованности движение по Симферопольскому шоссе.

На теоретическом уровне триада занятости легко выявляется при рассмотрении занятости на предприятии (организации) в двух семиотических аспектах (табл. 2): формы (синтактики), определяемой легальным оформлением, регистрацией занятости в соответствии с законодательством (в графе 3: есть – у ЕЗ и ВЗ, нет – у А_т), и содержания (семантики), определяемого наличием реального труда занятых (в графе 4: есть – у ЕЗ и А_т, нет – у ВЗ). По этим семиотическим характеристикам показатели вынужденной и теневой занятости отражают единство противоположностей, являясь определенными антонимами, в то же время дополняющими друг друга для устранения несоответствия между организацией экономики и реальными условиями ее функционирования и тем самым для снижения социальных и прочих рисков, когда теневая занятость может служить практически необходимой “поправкой” при несовершенстве законодательства, его отставании от нужд практики.

Что касается прагматики как третьего семиотического аспекта, то проводимые реформы особенно обострили проблему инвестирования. При определении очередности и объема капиталовложений одним из важнейших должен быть человеческий фактор, ныне явно недооцениваемый, а учет структуры занятости, объемов вынужденной занятости и ее разновидностей может помочь при определении приоритетов инвестирования в производство. Поэтому в качестве треть-

Таблица 2. Семиотический подход к структуре видов занятости на предприятиях (в организациях): форма (легальность), семантика (труд), прагматика (значимость во временном и инвестиционном аспектах)

Вид занятости	Легальность	Труд	Значимость			
			Временной аспект	Инвестиции		
				Источник	Цель	
<i>Фиксируемая</i>						
Естественная:	ЕЗ	+	+	Настоящее	Предприятие, внешние инвесторы	Текущее функционирование
трудоустроенные	T _{ЕЗ}	+	+	То же	То же	То же
предприниматели	Π ₀	+	+	То же	Личные	То же
Вынужденная (трудоустроенные)	ВЗ = T _В = ВЗ(T ₀)	+	–	(См. ниже)	Предприятие, внешние инвесторы	(См. ниже)
В том числе:						
резервная	РЗ	+	–	Будущее	То же	Расширение, модернизация
инерционная	ИЗ	+	–	Скрытая безработица	То же	Новые предприятия
социальная	СЗ	+	–	(См. ниже)	(См. ниже)	Текущее функционирование
ситуационная	–C _и З	+	–	Скрытая безработица	То же	То же
статусная	–C _т З	+	–	Настоящее	Предприятие	То же
<i>Нефиксируемая</i>						
Теневая	A _т			Настоящее	Предприятие	Текущее функционирование
трудоустроенные	T _т	–	+	То же	То же	То же
предприниматели	Π _т	–	+	То же	Личные	То же

ей семиотической характеристики – прагматической – выступают временной (указанный выше) и инвестиционный аспекты различной практической значимости выделенных видов занятости в реалиях конкретного российского экономического уклада. Тем самым семиотический подход не только подтверждает правильность, логичность классификации, выбранной по содержательным соображениям и адекватной экономическим реалиям, но и дает возможность более детального анализа состава занятости.

В рамках триады занятости наиболее логично (но практически пока затруднительно) определять и анализировать общий уровень оплаты труда с выделением не только скрываемой части, но и входящей в официальные трудовые доходы величины сохраняемой оплаты при вынужденной занятости. Теоретически эта величина может характеризоваться низким уровнем. Целесообразно оценивать ее как обусловленную не столько общими экономическими закономерностями функционирования рынка труда, сколько реалиями переходного или кризисного периодов. Так, ее низкий уровень ранее явно “провоцировался” налогом на сверхнормативную заработную плату при превышении фактических расходов на оплату труда над нормируемой величиной. Как отмечалось ранее, низкая оплата уравнивала сверхнормативную, что фактически обеспечивало определенные финансовые льготы предприятиям. В то же время и при такой низкой оплате большому объему вынужденной занятости соответствует большой фонд заработной платы, что позволяет предприятиям в условиях инфляции повышать цену продукции, 25% себестоимости которой составляет оплата труда. Практикуемые задержки выплат заработной платы, многократные и длительные, снижают уровень жизни работающих, но не цену продукции.

На величину производительности труда вынужденная занятость влияет двояко, так как увеличивает и числитель (хотя бы через величину оплаты труда при вынужденной занятости), и знаменатель (официальную занятость). При низкой оплате вынужденной занятости в целом это приводит к снижению производительности труда, но и при этом сохранение ВЗ является залогом столь необходимой социально-политической стабильности (без чего говорить о дальнейшем подъеме экономики бессмысленно) и столь же необходимого сохранения квалификационного уровня рабочей силы страны для повышения производительности труда в дальнейшем. Нельзя не признать: в наших условиях это единственный надежный способ сохранить человеческий капитал, в перспективе становящийся дефицитным.

При инерционной занятости нередким был традиционно сложившийся высокий уровень оплаты труда в виде номинальной начисленной заработной платы (но при этом ее выплата могла задерживаться надолго, как, например, не раз бывало у шахтеров), который практически снизить не удавалось по социально-политическим соображениям, определяющим само наличие этой занятости в угольной промышленности и других отраслях. С резервной занятостью положение иное: не случайно такие отрасли с высокой долей РЗ, как наука, входят в низкооплачиваемую группу отраслей. При оплате ситуационной занятости, зависящей, естественно, лишь от конкретной ситуации, здесь не исключена скрытая зарплата, и даже немалая. Статусная же занятость, зависящая от социальной политики оплаты труда, вообще, как правило, предполагает получение лишь официальной заработной платы, и то другими лицами, а именно теми, которые реально выполняют соответствующие обязанности (фактически это доплата для тех, кто работает реально, причем неважно, официально или нет). Такой прием можно приравнять к повышению оплаты труда, но в масштабах страны он не искажает статистики, не изменяет объем официальных трудовых доходов и не уменьшает объемы ни единого социального налога, ни НДФЛ (но остается неучтенным при расчете пенсий реально работавших).

За годы реформ изложенный подход претерпел определенные изменения – реальность внесла свои коррективы. В отличие от 1990-х годов патерналистских привычек и настроений в обществе заметно поубавилось, что не могло не отразиться на относительном снижении (по сравнению с началом переходного периода) объема инерционной занятости.

В государственной статистике достаточно оперативно, еще с 1994 г., был принят несколько видоизмененный подход с расчетом только так называемой *вынужденной неполной занятости*, поскольку другие виды ВЗ Росстат пока просто не может учитывать. Это не равнозначно неполной вынужденной занятости (будучи несколько меньше ее по объему) и объединяет возникаю-

щие по инициативе администрации (т.е. вынужденные) явления: отпуск без сохранения содержания (что непосредственно ассоциируется с полной ВЗ) и сокращение рабочего дня. Последнее по отработанному рабочему времени соответствует, видимо, разности между естественной и неполной вынужденной занятостью, корректируя тем самым условие $EЗ \cap ВЗ = \emptyset$ из (1) и отражая влияние вынужденной занятости на естественную, когда сократившаяся текущая работа распределяется “на всех”.

На наш взгляд, понятие “вынужденная *неполная* занятость” несколько неточно терминологически. Так, вынужденно отправляемые администрацией в отпуск работники – и с их точки зрения, и официально (что ведет к конфликтам с налоговыми органами, которые “не любят” такие неоплачиваемые отпуска) – являются полностью занятыми.

Процесс заметного сокращения масштабов вынужденной занятости благодаря оживлению экономики РФ теперь в свою очередь изменился под влиянием кризиса. В такие периоды особенно велика потребность в мерах социальной защиты населения. Судя по предшествующим расчетам в системе НДП, кризис 1998 г. вместо этого привел к снижению всех рассматриваемых видов государственных расходов на подобные цели. Значительную роль в смягчении остроты кризисных ситуаций в 1990-х годах сыграла именно вынужденная занятость. Нынешний кризис повторяет уроки прошлого. В российских условиях он способствует не только и не столько сокращению численности трудящихся (видимо, прежде всего в негосударственном секторе), сколько росту вынужденной занятости (полной и неполной), которая сдерживает рост безработицы. Это явление, наконец, заметили и такие аналитики, как Р.И. Капелюшников (Капелюшников, 2009а; Чубарова, 2010), весьма детально и доказательно исследовавшие этот вопрос.

Анализ приведенных С.М. Роговым объемов антикризисных финансовых инъекций в США и России (Рогов, Зотов, 2009) показал следующее (табл. 3). Относительные доли (графы “% к S”) расходов разной социальной направленности в общих суммах весьма близки, и лишь на борьбу с безработицей в России тратится всего 6% при 25.5% в США. Видимо, это обстоятельство и объясняется в немалой степени характерным для России явлением вынужденной занятости: при нынешней кадровой проблеме со специалистами дальновидные руководители вынуждены сохранять основную их часть как готовый квалифицированный резерв для будущего роста. По утверждению главы Минсоцразвития России Т.Н. Голиковой, к концу 2008 г. было зарегистрировано менее 1.4 млн безработных; более 200 тыс. человек были переведены на режим сокращенного рабочего времени.

В то же время теперь значительно, качественно расширилась область вынужденной занятости, она захватывает фактически не только микро-, но в какой-то степени и мезоэкономический уровень. Если в период кризисных 1990-х годов этот вид занятости всегда относился

Таблица 3. Текущие антикризисные инъекции России и США, млрд руб.

Страна	Общая сумма (S)*	Образование*		Здравоохранение*		Борьба с безработицей*		Другие социальные расходы*	
		всего	% к S	всего	% к S	всего	% к S	всего	% к S
США	5475	2140	39.1	867	15.8	1398	25.5	1070	19.5
РФ	1221	394.8	32.3	334.6	27.4	77.6	6.4	414	33.9
РФ/США, %	22,3	18.4	–	38.6	–	5.6	–	38.7	–

* Последнее значение в графе – % к уровню США.

Источник: наши расчеты по (Рогов, Зотов, 2009).

к уровню предприятий или организаций (правда, решение проблемы зависело не только от их руководства, но нередко и от городских или региональных властей), то настоящий кризис распространил сферу определения этого показателя и на признанные “бесперспективными” небольшие моногорода и аналогичные поселки городского типа. На этом уровне решение проблемы – буквально “быть или не быть” таким городам, т.е. существовать ли им за счет организации вынужденной занятости ради выживания населения или из-за банкротства градообразующего предприятия попросту исчезнуть вместе с организацией переселения (наверняка, намного более дорогостоящего во всех смыслах) этого населения – зависит не только и не столько от городских и даже региональных властей, сколько от властей более высокого уровня. Именно там формируются планы переселения уже не “бесперспективных деревень” (этот пройденный этап был достаточно сложным, далеко не успешным и прежде всего – очень болезненным для жителей деревень, включая так называемую “оптимизацию” сети школ), а признанных “бесперспективными” моногородов. Такое решение проблемы расселением (рассеиванием) без вины виноватых людей (что напоминает известный принцип “нет человека – нет проблемы”, но уже на уровне городов) потребует, видимо, куда более существенных затрат – материальных и духовных, человеческого и финансового капитала, – чем на уровне деревень. Последствия столь серьезных, но непродуманных мер могут сказываться еще слишком долго, если вообще когда-нибудь исчезнут.

Что касается нематериальных потерь, то, видимо, пора от спекулятивных высказываний о неразрывности экономики и психологии перейти – хотя бы в рамках данной острой проблемы – к реальному и конструктивному учету этой неразрывности. Стоит учесть, что сами жители таких моногородов не хотят ликвидации города из-за остановки градообразующего предприятия (с переселением граждан к другим местам работы) по разным причинам – и материально-экономического, и эмоционально-психологического характера. Тем более что ввиду продолжающегося в стране сокращения общей численности населения и ухудшения социально-демографической ситуации утрату населенных мест, имеющих даже не деревенский, а уже городской статус, вряд ли можно считать рациональной.

Видимо, такая политика в определенной степени вызвана напоминающим ошибки начала 1990-х годов недостаточным критическим восприятием возможности применить в наших условиях весьма ценный опыт развитых стран. Рекомендация такого средства повышения эффективности нашей экономики, как рост концентрации населения ради образования высокоэффективных (и в принципе, возможно, семантически оправданных) “муравейников” типа Токио, прозвучала, например, 7 апреля 2010 г. в докладе главного эксперта Всемирного банка по Европе и Центральной Азии И. Гилла на XI Международной конференции по проблемам развития экономики и общества (ГУ ВШЭ, Москва). Но эти рекомендации отнюдь не сопровождались – ни в этом, ни в других докладах – необходимым анализом конкретных российских условий для доказательств прагматической пригодности такого средства, небесспорного в наших условиях (хотя бы географических) и при нашем менталитете.

Рассмотрим кратко в социально-экономическом аспекте эти российские условия, в определенной степени уже проанализированные специалистами Союза малых городов на основе проведенного в конце 2009 – начале 2010 г. мониторинга состояния небольших (до 200 тыс. жителей) городов и поселков городского типа. Результаты этого исследования были отражены в докладе президента Союза Е.М. Маркова на Круглом столе XI Всероссийского симпозиума по стратегическому планированию и развитию предприятий (Москва, ЦЭМИ РАН, апрель 2010 г.).

Итак, в настоящее время от 315 до 500 небольших моногородов и более 300 монопоселков городского типа, а также ряд сельских поселений полностью зависят, с одной стороны, от политики собственника градообразующего предприятия, а с другой – от политики, которую проводит государство в отношении моногородов. Их градообразующие предприятия, в модернизацию и обновление которых средства не вкладывались с 1990-х годов, исчерпали или почти исчерпали свой ресурс еще до наступления мирового финансового кризиса, хотя большинство держалось “на плаву”: до кризиса моногорода (все – и большие, и небольшие) создавали не менее 40% ВВП. Кризис поразил все сферы жизнедеятельности и многократно обострил имеющиеся там проблемы, поскольку предприятия (прежде всего экспортно-ресурсные и кредитозависимые) резко сократили объем производства или были вынуждены полностью остановить работу. Социальные

последствия кризиса – рост уровня официально зарегистрированной безработицы и вынужденной занятости, резкое снижение уровня и качества жизни, отток экономически активного населения, нарастание социальной напряженности. Ситуация с занятостью в небольших моногородах и монопоселках осложнена в значительной степени (в сравнении с большими городами) весьма ограниченным числом и диапазоном выбора мест приложения труда. При этом федеральные власти обратили внимание на проблему малых городов только после того, как 22 тыс. жителей Пикалева в Ленинградской области перекрыли федеральную трассу.

Власти признают “прогрессивными” лишь такие города, как спутники крупных конгломератов или обладатели уникального потенциала, а также расположенные на притрассовых территориях или способные перепрофилироваться в агрохолдинги. Но другие, “депрессивные” моногорода и поселки, образованные ранее решениями государственного уровня, тоже имеют, пусть не уникальные, но реальные возможности и право на жизнь и остро нуждаются в период кризиса в государственной поддержке. Необходима модернизация существующего градообразующего предприятия либо создание нового производства наряду с успешно работающим предприятием или же на базе действующего, но неэффективного предприятия; возможна разработка программы развития рекреационного, промышленного и других видов туризма и прочие варианты решения проблемы вынужденной занятости.

На первый план выступают меры обеспечения социальной стабильности, в прямом смысле – выживания сотен тысяч людей. За годы непрерывных реформ страна уже потеряла более 700 небольших городских населенных пунктов. При этом малые, средние города и поселки городского типа в условиях России играют особую, государственно важную геополитическую роль, обеспечивая своего рода контроль над территорией, территориальное и социально-экономическое единство и целостность России, ее национальную безопасность. По мнению специалистов Союза малых городов, разделением монопрофильных небольших городов на “прогрессивные” и “депрессивные” разрушительные процессы остановить не удастся.

Реально распространение этого процесса – и проблемы вынужденной занятости – далее, на более крупные моногорода. Кстати, в 2010 г. предусмотрена государственная поддержка 26 крупных моногородов, положение которых на настоящий момент уже признано наиболее критическим. Возникает отнюдь не беспредметный вопрос: если спасительная роль вынужденной занятости для населения России (и нашего рынка труда) проявлялась сначала на микроэкономическом уровне, а затем и на мезоэкономическом (на уровне малых моногородов и поселков), приближаясь уже и к 26 крупным моногородам, находящимся в критическом положении, то что далее?

Пора привлечь к проблеме сохранения и организации вынужденной занятости (а не уничтожения ее как “излишней”) пристальное внимание не только теоретиков (экономистов), но и практиков (властные структуры достаточно высокого уровня).

Таким образом, если основной задачей вынужденной занятости на микроуровне экономики являлось сохранение рабочей силы для дальнейшего оживления экономики, то теперь, уже на следующем уровне, это подзадача для уже иной, более существенной цели – сохранения населения и целостности России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Капелюшников Р.И.** (2001): Российский рынок труда. Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ.
- Капелюшников Р.И.** (2009а): Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии. Препринт WP3/2009/01. М.: ГУ ВШЭ.
- Капелюшников Р.И.** (2009б): Конец российской модели рынка труда? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapeljushnikov>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Нестандартная занятость (2006): Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: ГУ ВШЭ.
- Полтерович В.М.** (2003): Парадоксы российского рынка труда и теория коллективных фирм // *Экономика и мат. методы*. Т. 39. № 2.

- Рогов С., Зотов Г. (2009): Почему Россия не США и не Норвегия? // *Аргументы и факты*. № 15.
- Тарасова Н.А. (1994): О вынужденной занятости и безработице // *Экономика и мат. методы*. Т. 30. № 2.
- Тарасова Н.А. (2006): Моделирование и прогнозирование скрываемых элементов занятости и доходов // *Экономика и мат. методы*. Т. 42. № 3.
- Тарасова Н.А. (2008а): О проблемах осуществления социально-экономических реформ // *Экономика и мат. методы*. Т. 44. № 1.
- Тарасова Н. А. (2008б): Сравнительная методология определения показателей госстатистики и ее использование в системе НДП (“Население, доходы, потребление”) // *Вопр. статистики*. № 10.
- Тарасова Н.А. (2010): Семиотический подход к обеспечению достоверности результатов социально-экономических исследований // *Экономическая наука современной России* (в печати).
- Тарасова Н.А., Блюмина М.С. (1996): Структура вынужденной занятости и ее влияние на процессы переходного периода // *Экономика и мат. методы*. Т. 32. № 2.
- Тарасова Н.А., Збарская И.А., Блюмина М.С. (1996): Изменения в производительности труда и структуре занятости в переходный период. В сб.: “Анализ и моделирование взаимодействия производственной и социальной сфер экономики России в условиях перехода к рынку”. М.: ЦЭМИ РАН.
- Ткаченко А.А. (2000): Занятость и экономика: политика государства в переходный период. М.: Инфограф.
- Чубарова Т.В. (2010): Социальные последствия кризиса в России: какая антикризисная программа нам нужна? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5.
- Lvov D., Tarasova N. (1994): Latent Unemployment in Transition: Phenomenon of Involuntary Employment in Russia // *C.U.R.E. Challenges of Unemployment in a Regional Europe*. Friske Akademy. The Netherlands.
- Tarasova N., Vasiljeva I., Sushko E. (2009): Analysis of the Social Policy Parameters by Forecasting Indicators of Social Sector Financing // *Studies of Russian Economic Development*. № 5.

Поступила в редакцию
20.06.2010 г.

Involuntary Employment in Transition and Crisis

N.A. Tarasova

Structure of employment with the natural, involuntary, and shadow employment is analyzed. Structure of involuntary employment on microeconomic level, its leading role in transition and unemployment crisis decreasing is analyzed. Increasing of involuntary employment sphere in small monotowns is studied.

Keywords: structure of employment, involuntary employment, unemployment decreasing, microeconomics, crisis, monotowns.